

Когда музыка стихла, а танцы прекратились, Хунсю подняла руку и, прикрыв рот шёлковым платком, улыбнулась:

— В песне я говорила, что если Цзян-лан действительно хочет выразить благодарность, то одного кувшина вина достаточно. Обычные золото и драгоценности подходят для обычных людей, но для Цзян-лана это было бы неинтересно. Мы с Цуйцяо изначально не ради этого.

Цзян Цзинсин рассмеялся:

— Как я мог осмелиться пренебречь вашей добротой?

Он осушил десять кувшинов вина, а на следующий день отправил Хунсю и Цуйцяо по тысяче золотых и десять ху жемчуга, приложив записку, написанную его рукой: «Тысяча золотых для меня — как пыль, в благодарность за радость я бросаю их вместе с этим письмом».

*Сегодня цветы прекрасны, луна полна, и этого достаточно для счастья,

Но вдруг роскошные дома и нефритовые башни освещаются красными огнями,

Словно восходящее солнце сменило этот чистый ночной свет.

Золотые кубки и нефритовые блюда текут, как вода,

Голоса, подбадривающие пить, не умолкают.

Вместе угощаем журавлей плодами,

И эта ночь превосходит тысячи праздников.

Прекрасный вечер полон радости,

Не будем говорить о печалях разлуки, горечи упущенных возможностей и боли расставаний.

К тому же мы ещё молоды,

Мои волосы всё ещё черны, как туча.

Мутного вина достаточно для благодарности,

Не нужно жемчуга, как пыли, и вечных заслуг.

Даже в голодные годы не скрыть красоты нефрита,

Тем более в урожайный год, встречающий благодатный снег.*

Цзян Цзинсин невольно напевал слова той песни.

Тридцать лет спустя Хунсю приняла управление Башней Чэньсян и стала «тётушкой» для других девушек в башне. Её красота постепенно увядала, но статус мастера игры на пипе оставался непоколебимым. Она появлялась всё реже, и если только император не вызывал её во дворец для выступления или в башню не приходил какой-нибудь важный гость, желавший услышать её игру, эту красавицу, тридцать лет назад потрясшую Хаоцзин, почти невозможно было увидеть.

Посетители Башни Чэньсян сегодня не ожидали, что увидят эту легенду Квартала Пинкан.

Они понижали голоса, боясь потревожить Хунсю на сцене, и шептались с товарищами, не явился ли в Пинкан какой-нибудь важный человек, раз уж удостоила своим присутствием сама Хунсю.

Се Жунцзяо не сердился на то, что Цзян Цзинсин напевал, мешая ему слышать слова песни:

— Учитель, вы напеваете что-то очень похожее на песню, которую поёт Хунсю, но слова, кажется, немного отличаются.

— Это оригинальные слова той песни, — улыбнулся Цзян Цзинсин. — Думаю, она узнала меня и специально изменила текст, чтобы спеть его мне. То, что она пела только что, — лучше. Тридцать лет назад я был молод, полон мыслей о золоте и парче, шуме и блеске, а это не идёт ни в какое сравнение с тем, что она спела только что.

Се Жунцзяо тихо спросил:

— Хотите встретиться с госпожой Хунсю?

Она специально вышла на сцену, чтобы спеть для Цзян Цзинсина песню тридцатилетней давности. Видимо, они когда-то были близки.

Весь этот зал, наполненный звуками струнных и взмахами разноцветных рукавов, клубами благовоний, внезапно вызвал у Се Жунцзяо чувство лёгкого головокружения.

Даже если он слышал истории Цзян Цзинсина тысячу раз, он всё равно был слишком далёк от того Цзян Цзинсина.

Тот, вероятно, тоже когда-то пользовался вниманием красавиц среди облаков волос и разноцветных одежд, имел славу мечей, хорошего вина, прекрасных коней и красавиц, создавая историю счастливой молодости.

Эта дистанция почти вызывала отчаяние, как попытка достать луну из воды или цветы из зеркала.

Как бы ты ни любил красоту луны и цветов, как бы ни хотел прикоснуться к теплу луны и мягкости цветов, они остаются в воде, в зеркале, в судьбе, недоступные для тебя.

Мысли Се Жунцзяо были как благовония, поднимающиеся из-за ширм, переплетаясь, и он не мог понять, к какому источнику они относятся.

Цзян Цзинсин сказал:

— Я раньше не приезжал в Хаоцзин, потому что боялся этого.

Се Жунцзяо пошевелил губами, словно ища слова, чтобы утешить его.

Цзян Цзинсин с лёгкой грустью вздохнул:

— Особенно этот Пинкан. Как только я вхожу сюда, не могу не вспомнить времена, когда у меня были деньги и я мог тратить их без счёта.

Пачка банкнот шлёпнулась перед ним.

Се Жунцзяо нахмурился и холодно произнёс:

— Тебе весело издеваться надо мной?

Цзян Цзинсин ради денег готов был продать даже себя, что уж говорить о совести?

Поэтому он быстро сунул банкноты в рукав, отбросил напускную меланхолию и серьёзно сказал:

— Да, довольно весело.

Се Жунцзяо хотел забрать брошенные банкноты.

Жаль только, что он бросил их слишком быстро, а Цзян Цзинсин действовал молниеносно. Его рука замерла на столе, не зная, опустить её или убрать.

Цзян Цзинсин схватил его за руку и поднял:

— А-Цы, успокойся, успокойся. Я отведу тебя в Павильон Линьсянь, может, нам повезёт, и мы увидим там танец ху сюань, как у Цуйцзяо тридцать лет назад.

Танец ху сюань не сравнить с игрой на пипе. Хунсю могла стареть, сохраняя мастерство, но Цуйцзяо, будучи простой смертной, не могла сохранить лёгкость и грацию юности, чтобы танцевать ху сюань, как в былые времена.

Даже если бы она узнала его, Цуйцзяо ни за что не станцевала бы снова, боясь, что её высмеют за увядающую красоту. Лучше оставить воспоминания о её былой красоте, подобной божественной, чем сожалеть о том, что время ушло.

Се Жунцзяо спросил:

— Ты действительно не хочешь встретиться с госпожой Хунсю? Ведь вы с ней были близки.

Цзян Цзинсин легонько фыркнул:

— Почему-то мне кажется, что в твоих словах я превращаюсь в легкомысленного повесу?

Се Жунцзяо честно и прямо ответил:

— Не знаю. Но раз Хунсю вышла на сцену, чтобы сыграть для тебя, значит, вы были не просто знакомыми.

— Хунсю и Цуйцзяо в то время были знамениты в столице, и я иногда приходил послушать их игру на пипе или посмотреть на их танцы. Ведь таких, как я, с хорошей внешностью и щедростью, в мире мало, и я не скупился на золото, так что, думаю, они запомнили меня тогда.

Цзян Цзинсин, вспоминая времена, когда он считал золото прахом, почувствовал искреннюю ностальгию:

— Хотя они были знамениты, они всё же были из Пинкана, и некоторые недостойные отпрыски знатных семей пытались использовать своё положение, чтобы навязать свои правила. Я тогда был молод, горяч, и, встречая таких, я просто выкидывал их. Так я и сблизился с ними.

Трудно было представить, что история, которую так долго передавали люди, о единственном романтическом увлечении Святого, оказалась такой скучной.

Сердце Се Жунцзяо было как дым от благовоний, легко поднимающийся в небо, и внезапно стало ясным, без прежней затуманенности.

Как будто зеркало, долгое время сковывавшее его, разбилось, и ветер унёс его в небо, где он мог дотянуться до луны.

Наконец, он оказался рядом с луной и цветами, о которых мечтал.

Цветы в руках, луна в объятиях.

Сам он не понимал, что происходит, и сухо сказал:

— Значит, в молодости ты был довольно храбрым.

Цзян Цзинсин ответил:

— Так что Хунсю, восхищаясь таким красавцем, как я, который когда-то был богат и полон благородства, — это вполне естественно.

Хотя он и говорил так, но в его голосе не было ни капли самодовольства от того, что его восхищалась красавица, чья слава гремела по всей столице.

Цзян Цзинсин в молодости был ветреным и считал, что его внешность, талант, происхождение и богатство должны быть лучшими в мире, и что восхищение им — это само собой разумеющееся.

С возрастом он понял, что любовь — это не только бросание цветов и платков, и что в мире нет оснований принимать чужую любовь только потому, что ты красив, талантлив, силен или богат.

Поэтому, когда он рассказывал истории, он никогда не принимал дополнительные подарки, особенно личные украшения, а когда гадал на любовь, он даже не смотрел на движение звёзд и прямо говорил, что между ним и многими девушками нет судьбы.

Для них Цзян Цзинсин был человеком, о котором можно было упомянуть в разговоре с внуками, что в молодости они встретили такого красавца, которого больше не найти.

Большого он не мог принять с чистой совестью.

Когда он сам попал в сети любви, он понял, насколько это мучительно и трогательно. Он гадал на любовь слишком много раз, видел столько влюблённых, что их можно было сравнить с числом Чёрных Доспехов, и знал, что счастливых концов было мало.

Но он хотел, чтобы каждое чувство было принято с уважением и серьёзностью.

Когда Цзян Цзинсин выходил из Башни Чэньсян, он остановился и оглянулся на знакомое место.

Наверху женщина, чья красота увядала, в красной одежде и гранатовой юбке, улыбнулась ему издали, и её красный рукав развеялся на осеннем ветру, как в былые времена.

Он не мог не чувствовать грусть, видя, как она стареет, а он остаётся таким же, как в юности.

Но больше всего он чувствовал радость.

Желаю тебе вечной молодости и радости, независимо от того, сколько перемен принесёт время.

Всё, что нужно было сказать, было сказано в песне.

Как только они вернулись в усадьбу семьи Се в столице, императрица Цзян прислала посла, чтобы пригласить Се Жунцзяо во дворец для беседы.

То, что она не пригласила Цзян Цзинсина, конечно, не означало, что она, став Святой Императрицей, могла игнорировать Святого.

<http://bllate.org/book/16198/1453769>